

УДК 957

Иркутская губернская администрация и становление надзора за политическими ссыльными в 1860–1870-х гг.

А. А. Иванов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Статья посвящена исследованию деятельности иркутской губернской администрации в организации гласного полицейского надзора за жизнью политических ссыльных, размещавшихся на территории Иркутской губернии в 1860–1870-х гг. Рассматриваются административные структуры, ответственные за водворение ссыльных на места причисления, особенности учета и контроля за их перемещением и перепиской. Делается вывод о том, что соответствующим структурам губернии в исследуемый период еще не удалось создать хорошо отлаженной и практичной системы надзора за ссыльными, что объяснимо как местными естественно-географическими и социальными особенностями развития региона, так и изъянами уголовного законодательства.

Ключевые слова: политические ссыльные, губернское правление, полиция, жандармское полицейское управление, генерал-губернатор, Иркутская губерния.

В 1860–1870-е гг. противостояние государства и общества многократно усилилось, стало по-настоящему массовым, вовлекло в свою орбиту практически все слои и сословия населения страны. Масштабные крестьянские выступления, сравнимые с гражданской войной, протестное студенческое движение в университетских центрах, конспиративные группы «Земли и Воли», национальное восстание в Польше, покушение Д. Каракозова на царя – все это значительно увеличивало число осужденных военными или гражданскими судами, приговоренных к тюремному содержанию, сосланных на каторгу, поселение или высланных административно.

Между тем первые партии политических преступников, поступавшие в сибирские губернии, быстро выявили неподготовленность региональных властей к приему такого количества ссыльных и созданию здесь постоянного надзора. Изучению деятельности иркутской губернской администрации по организации гласного полицейского надзора за жизнью политических ссыльных, размещенных на территории губернии в 1860–1870-х гг., и посвящена настоящая статья. Исследований данной научной проблемы в отечественной историографии не проводилось, что делает ее актуальной и значимой.

Структуры и штаты. На территории Иркутской губернии надзор за политическими ссыльными в исследуемый нами период осуществлялся тремя ведомствами, относящимися формально к одному Министерству внутренних дел: экспедицией о ссыльных, созданной в составе Иркутского гу-

бернского правления; чинами общей полиции, объединенными структурно в полицейские округа; и сотрудниками губернского жандармского управления. В работе с политическими ссыльными данные службы имели свои приоритеты – экспедиция ведала в большей степени организацией учета и размещения, полиция – гласного надзора на местах причисления, жандармерия осуществляла тайное или секретное наблюдение за отдельными «выдающимися» революционерами и их перепиской, а при необходимости брала на себя руководство работой обычной полиции и могла контролировать осуществление гласного надзора.

Прежде всего возросшие требования расширения гласного полицейского надзора за государственными преступниками, высылаемыми в Восточную Сибирь, должны были повлечь значительные преобразования в работе экспедиции о ссыльных. Согласно Уставу о ссыльных в редакции 1857 г., экспедиции действовали в качестве структурных подразделений при Тобольском, Томском, Енисейском и Иркутском губернских правлениях (ст. 216). При этом Иркутская экспедиция не только распределяла ссыльных по территории губернии, но и «назначала» их «за Байкал», руководствуясь «росписями» из правления Забайкальской области, играя фактически роль регионального координирующего органа, сродни Тобольскому приказу для всей Сибири (ст. 282) [17, с. 34, 45].

Из статьи 217 следовало, что экспедиция управляется советником «и имеет потребное число канцелярских чинов». При этом штат Иркутской экспедиции был крайне незначительным. В начале 1860-х гг. она возглавлялась управляющим («титularный советник, кавалер ордена св. Станислава III ст., имеющий темную бронзовую медаль на Владимирской ленте в память войны 1853–1856 гг. Иван Михайлович Литвинов» [15, с. 24]) и состояла из двух столов под руководством столоначальников с помощниками. Кроме этого имелись «смотрители поселенцев»: Иркутского, Балаганского, Нижнеудинского округов – один, Киренского и Верхоленского – другой, а также два «ревизора поселенцев», «для обозрения ссыльных в губернии размещенных», архивариус и даже журналист.

Значительное увеличение количества ссыльных после 1863 г. требовало от Санкт-Петербурга расширения штатов Иркутской экспедиции, однако этого не происходило и на протяжении исследуемого нами двадцатилетнего периода они оставались неизменными. Незначительное увеличение числа чиновников экспедиции можно зафиксировать только среди низшего звена ее сотрудников – так называемых писцов, что вполне объяснимо возросшим объемом переписки. В 1879 г. штатное расписание чинам Иркутского губернского правления, занимающимся по делам, касающимся тюремной части, ссылки и пересылки арестантов, выглядело следующим образом: советников – 1, делопроизводителей – 2, помощников делопроизводителя – 2, ревизоров поселений – 2, смотрителей поселений – 2, писцов – 4, секретарь – 1, а всего 14 служащих [6, л. 6].

Экспедиция по-прежнему делилась на два стола. В первом было сосредоточено делопроизводство об управлении «ссылным делом», во втором –

бумаги о самих ссыльных: дела о «выдаче пособий, собственных денег, о приюте детей их, об отпуске денег на содержание в больницах», а также ведение отчетности «за экономический капитал, исключение из оклада подачей, обложение таковыми и об арестантской одежде» [6, л. 6 об.].

Штатное расписание не было догмой для Иркутского губернского правления и варьировалось в зависимости от конкретных обстоятельств. Так, смотрители поселений вместо выполнения своих прямых обязанностей заведовали: первый – «делами собственно по распределению ссыльных, так как столоначальник 1-го стола со своим помощником» едва мог «управляться с делопроизводством об увольнении каторжных от работ, о назначении в работы осужденных в Иркутской губернии, о перечислении ссыльных из одного места в другое, о возвращении их на работу по разным случаям и т. д.»; второй был дан в помощь первому, чтобы вести «громоздкое делопроизводство»: распределять партии ссыльных, в том числе и политических, составлять предписания в отношении тех мест, куда ссыльные причислены, переписывать представления к высшему начальству о назначении мест жительства окончившим свои сроки, а также следить за доведением до них «разных распоряжений» [6, л. 6 об.]. Таким же образом экспедиция поступала и со ставками ревизоров поселений. Их жалованье было «употреблено» на привлечение вольнонаемных служащих, которые «необходимы для ведения алфавитов ссыльным, для переписки журнальных постановлений, для ведения входящего и исходящего журналов и т. п., так как 4 писца постоянно заняты» и загружены сверх меры [6, л. 6 об.].

Как видим, экспедиция брала на себя в основном «бумажную часть» общего дела, причем ведала, в большей степени, уголовными ссыльными, которых на территории губернии было всегда много, например, только в 1866 г. здесь числилось 38 752 человека [11].

Собственно гласным надзором за каждым ссыльным на территории губернии занимались окружные полицейские управления. Постоянный контроль требовал большого числа различного рода и звания служащих. Между тем их штатное количество также было незначительным. Так, например, в 1870–1873 гг. Иркутское окружное полицейское управление состояло из одного исправника, его помощника и трех земских заседателей (или станowych приставов); Нижнеудинское имело окружного исправника и его помощника, двух полицейских и трех земских надзирателей; в Верхотуренске располагался окружной исправник, помощник исправника, два станowych пристава, секретарь управления и канцелярский служитель; Киренское управление состояло из исправника, его помощника, двух земских надзирателей, секретаря и двух канцелярских служителей; в Балаганске был окружной исправник – «коллежский асессор Евфимий Андреевич Велигорский, за откомандированием которого в Канский округ Енисейской губернии, командирован к исправлению должности его причисленный к общему губернскому управлению коллежский асессор Федор Александрович Заборовский», помощник исправника, а также два станowych пристава [12, с. 87–99; 13, с. 45–66].

Как видим, на территории пяти округов губернии с населением в 350 тыс. жителей (1879 г.) [14, с. 1] имелось всего пять окружных исправников и их помощников, чуть больше десяти земских заседателей и несколько полицейских надзирателей. Правда, окружные полицейские управления имели также одного-двух столоначальников, письмоводителя, архивариуса и журналиста, однако данные чиновники к надзору за политическими ссыльными имели лишь косвенное отношение, к тому же их места были часто вакантными.

Немногим лучше обстояли дела с полицейскими чинами и в Иркутске. В 1873 г. здесь имелся полицмейстер, его помощник, два следственных пристава, три полицейских пристава с шестью помощниками согласно частям города, а также небольшая канцелярия – явно недостаточно для более чем 30-тысячного Иркутска [13, с. 43–44].

Помимо полиции, гласный и тайный надзор за политическими ссыльными осуществляло Иркутское губернское жандармское управление, однако его штаты в исследуемый период были еще меньше, чем у полиции. Так, в 1877 г. оно состояло из начальника, помощника и адъютанта; в 1881 г. – начальника, двух помощников и адъютанта. Окружной структуры у иркутских жандармов, в отличие от «простой» полиции, в 1860–1870-х гг. еще не существовало, поэтому контроль за состоянием «политической благонадежности» в уездах и политическими ссыльными осуществлялся ими лишь наездами – как правило, один из помощников находился в постоянных командировках, разбираясь с фактами нарушения режима надзора со стороны ссыльных (самовольными отлучками, фактами скрытой переписки и т. д.) [10, с. 72].

Несмотря на отсутствие видимых перемен в штатах экспедиции, полиции и жандармерии, некоторые изменения здесь все же происходили. Они отмечены в руководстве «ссыльным делом» на уровне высшей администрации. Так, в ранге «состоящих при генерал-губернаторе» Восточной Сибири М. С. Корсакове в 1865–1870 гг. появились новые должности: одна – «для надзора за политическими преступниками» (офицер в чине подполковника) и три – «для устройства быта политических ссыльных» (подполковник, майор и ротмистр) [12, с. 6]. Однако, по всей видимости, все эти офицеры занимались размещением исключительно польских политических ссыльных. Так, в феврале 1866 г. в Николаевский железодобывающий завод был командирован подполковник Де Витте, один из офицеров, состоящих при Корсакове, с целью «соображения на месте возможности к помещению в заводе возможно большего числа политических преступников (поляков. – *А. И.*), осужденных в каторжную работу взамен обыкновенных ссыльно-каторжных». И таких свидетельств было немало. Во второй половине 1860-х гг. эти офицеры исследовали винокуренные, горнодобывающие и солеваренные заведения в поисках «свободного» «каторжного труда» для польских ссыльных [1, л. 7].

Как видим, несмотря на постоянный приток политических ссыльных в пределы Иркутской губернии, штаты административно-властных структур,

призванных налаживать постоянный контроль за государственными преступниками, оставались малочисленными и, по существу, неизменными в течение всего исследуемого периода.

Проблемы с организацией учета. Полицейский надзор подразумевал наличие хорошо отлаженной, обеспеченной кадрами и финансами системы учета ссыльных. Однако и здесь были свои проблемы, проявлявшие себя задолго до поступления политического ссыльного на территорию Иркутской губернии. Как известно, каждый ссыльный – и уголовный, и политический – попадал в сибирскую ссылку через Тюменский приказ. Именно приказ принимал, распределял и отправлял арестантов по всей Сибири, санкционировал перемещение внутри региона. Приказ был обязан вести и подробную статистику о движении политических ссыльных: сколько лиц поступило в Сибирь всего, в том числе сосланных по судебным приговорам (государственных, политических), высланных в административном порядке (государственных, политических), также каторжных, сколько ссыльных следовало с семьями и т. д. Между тем контроля за составлением этих важных сведений не велось, а отдельные данные на государственных и политических имелись только за 1866, 1868 и 1877–1879 гг. В отчетах за 1861–1863, 1870–1875 и 1897 гг. вообще не имелось статистики по политическим ссыльным [16, с. 206–207].

Иркутская экспедиция, согласно ст. 550 и 551 Устава о ссыльных (в редакции 1857 г.), также была обязана вести учет поступавших с Московского тракта, «иметь верные списки в губернии находящимся, с означением, кто куда причислен». При этом «списки сии должны быть по формам, ...особо мужчинам и особо женщинам» [17, с. 53]. Однако на практике составить такие ведомости было делом нелегким. Главных трудностей здесь было две. Одна состояла в рассредоточении «ссыльного дела» среди уже названных ведомств: окружные полицейские исправники на местах не подчинялись напрямую управляющему (советнику) экспедиции о ссыльных, и ведение отчетности было для них из разряда многочисленных косвенных обязанностей; другая заключалась в самой ссылке, в ее постоянно «текущем» состоянии – многие «политики», как правило, неоднократно меняли места поселений: некоторые долгое время проводили в городе, находясь «на излечении», другие брали «отпускные билеты» и нанимались на горнодобывающие предприятия региона, на строительство городских зданий, дорог и т. д.

Следствием плохо организованного учета ссыльных было то, что высшая административная власть губернии нередко не имела точных сведений, сколько на ее территории находится «политиков». Так, из докладной записки начальника первого отделения ГУВС от 11 июня 1876 г. следовало, что в годовом списке о ссыльных, поданном генерал-губернатору и составленном на основании сведений с мест, «не помещено многих преступников». При этом начальник «просил» исправников, «если же они [ссыльные] находятся в Иркутской губернии, не отказать в сообщении о них». А канцелярия общего губернского правления объясняла сложившуюся ситуацию тем, что «большая часть означенных преступников по алфавитам не значится, а по-

тому приходилось разыскивать их по общим алфавитам экспедиции о ссыльных...» (т. е. среди нескольких десятков тысяч уголовных ссыльных. — А. И.) [3, л. 24–29].

Ввиду малочисленности политических ссыльных, оставшихся в пределах губернии после амнистии 1856 г. (20–25 человек), отчетные ведомости о них составлялись, по всей видимости, один раз в год или вообще «по мере надобности». Однако в середине 1870-х, когда число ссыльных заметно увеличилось, генерал-губернатор Восточной Сибири в своем инструктивном письме потребовал представления сведений уже два раза в год — «к 1 января и 1 июля», при этом ведомости о государственных преступниках должны были быть поданы «с отметками о поведении каждого из них, занятиях и средствах к жизни». П. А. Фредерикс строго обязывал «...подтвердить окружным начальникам, исправникам и земским заседателям, чтобы они, при разъездах своих по делам службы, собирали возможно точные сведения о поведении и образе жизни преступников, а в случае малейших проявлений неблагонадежности или сомнительных сношений их с другими лицами, немедленно и подробно доносили об этом» [5, л. 12–12 об.].

Практика сбора данных о ссыльных на начало и середину календарного года также оказалась неэффективной, не отвечавшей возросшим задачам надзора. В августе 1877 г. Иркутская экспедиция обязала окружных исправников подавать сведения уже «непрерывно к 10 числу по истечении каждого месяца», выделяя в них тех, кто находится «в каторжной работе, на поселении, житье и жительстве, а также польских и западно-польских водворенцев, высланных административным порядком, по суду и из арестантских рот» [9, л. 10–11]. Несмотря на столь категоричные требования экспедиции, можно предположить, что система учета ссыльных в исследуемый период работала плохо и вплоть до середины 1880-х гг. так и не была налажена.

Проблемы формирования системы надзора. Гласный надзор за политическими ссыльными складывался постепенно. Для его организации прежде всего было необходимо поднять ответственность и уровень исполнительной дисциплины чиновников МВД на всех местах, начав с окружной полиции. Еще в декабре 1872 г. Министерство внутренних дел циркулярно потребовало от начальников губерний разъяснить «местным полицейским начальствам о необходимости строгого наблюдения за безотлучным нахождением политических на местах их жительства». Чтобы наблюдение было действительно таковым, предписывалось поднадзорным «являться ежедневно к местному полицейскому чиновнику, или чтобы сей последний удостоверился ежедневно же посещением квартиры в нахождении на месте жительства лица, порученного его надзору» [2, л. 1].

По мысли высшей администрации, контроль за ссыльными должен быть в первую очередь максимально жестким. Отсюда стремление к его дальнейшему усилению. С этой целью 26 мая 1878 г. было принято распоряжение генерал-губернатора об учреждении «за сосланными в Восточную Сибирь государственными преступниками и женами их, а также лицами, обнаружившими вредные политические стремления в местах их назначе-

ния» *особенно строгого и бдительного надзора* (курсив наш. – А. И.). Что такое «особенно строгий и бдительный», не разъяснялось, однако требовалось, чтобы «подлежащие учреждения и лица неуклонно исполняли возложенные на них обязанности, в настоящем случае под личную ответственность их» [5, л. 5].

В феврале 1881 г. генерал-губернатор Восточной Сибири обращал внимание губернаторов на неукоснительное выполнение Указа Правительствующего сената от 9 декабря 1880 г. о том, что политические ссыльные всех категорий, уличенные «в случаях оказания вооруженного и соединенного с насилием или угрозами сопротивления законным властям или военным караулам» в местах поселения, подлежат «изъятию из ведения общих судов» и подпадают под решения судов военных. При этом генерал-лейтенант Д. Г. Анучин напоминал, что право предания военному суду в Восточной Сибири предоставлено ему лично, и опять же «покорнейше просил» в подобном рода случаях входить к нему «с обстоятельными представлениями» [8, л. 45, 46].

Ужесточение отношения к политическим ссыльным, происходившее со второй половины 1870-х гг., шел не только «сверху», из Санкт-Петербурга, но и «снизу», из Иркутска. Например, для сбора максимально подробной информации о ссыльных местные власти готовы были взять на себя даже часть функций жандармских органов. Так, в одном из инструктивных писем генерал-губернатором указывалось, что в обязательном порядке «полицейские чиновники должны иметь на местах поселения государственных преступников своих агентов в лице сельских начальников, хозяев квартир преступников и других лиц». Таким образом, в дело надзора вовлекались не только чины Министерства внутренних дел, но и представители органов крестьянского и городского самоуправления, мелкие торговые служащие, домохозяева. Так постепенно складывалась практика тотального наблюдения за жизнью ссыльных на территории губернии [5, л. 13].

Но одно дело – издать циркуляр, другое дело – его исполнить силами нескольких исправников или смотрителей. По всей видимости, именно трудности в организации надзора на большом пространстве, а также все возрастающие размеры политической ссылки послужили причиной появления у правительства планов «компактного» сосредоточения государственных преступников в отдельных местностях Восточной Сибири, и в частности в Иркутской губернии. В фонде Иркутского губернского правления (ГАИО. Ф. 32) сохранилось дело «Об устройстве колоний на территории Иркутской губернии для ссыльных...» за 1878 г. В нем копия высочайшего повеления, «последовавшего» 8 августа 1878 г. о ссылке в Восточную Сибирь и водворении здесь лиц, обвиняемых в государственных преступлениях. В рукописной копии с указа, сделанной, по всей видимости, в канцелярии генерал-губернатора, в п. 2 читаем: «...высланных под надзор полиции в разные местности империи неблагонадежных личностей, водворять в Восточной Сибири», а в п. 4: «...для охраны и надзора ссыльной колонии в Вос-

точной Сибири учредить достаточно сильную числительностью и исправно вооруженную команду, с подчинением оной местному губернатору» [4, л. 1–2].

Многочисленная команда охранников, несмотря на указ государя, так и не была создана, но генерал-губернатор Восточной Сибири во второй половине 1878 г. предписал губернаторам «войти в соображение, какие именно местности... могли быть избраны для колонизации лицами, указанной категории» [4, л. 3]. Далее в деле имеется записка от Иркутского губернского статистического комитета, предлагавшая для поселения «политиков» использовать следующий район: «юго-западная граница Балаганского округа с северо-западной Иркутского округа, в долинах реки Большой Белой при слиянии ее с рекой Урик, ближайший населенный пункт – улус Аларских инородцев Боинкурский (нрзб.)». Отмечалось также, что в этом районе иных населенных мест нет, кругом тайга, что не даст ссыльным возможности распространения своей пропаганды на сибирских жителей [4, л. 4].

Предложение не получило поддержки генерал-губернатора, который раскритиковал записку и, в частности, заметил, что «государственные преступники должны водворяться особыми колониями не в пустынных, нежилых местностях, но в отдаленных, изолированных по возможности селениях, населенных элементом, на который не могла бы иметь влияние пропаганда ссыльных». Тогда статистический комитет предложил устроить колонию в «заштатном городе Илимске» или «селе Косостепском» о том, как шла реализация данных проектов, в деле материалов нет, однако с уверенностью можно сказать, что ни в исследуемый нами период, ни позднее колоний для политических ссыльных на территории губернии устроено не было [4, л. 13, 22].

Контроль за перепиской. В 1870-е гг. в деле организации контроля за корреспонденцией политических ссыльных властные структуры использовали опыт «декабристского периода». Так, почтовая и телеграфная переписка государственных преступников, сосланных на житье и поселение, производилась не иначе как с ведома главного местного полицейского начальника, под наблюдением которого они состояли, т. е. полицмейстера в Иркутске и исправника – в уезде. При этом почтовые конторы и телеграфные станции обязывались корреспонденцию на имя государственных преступников представлять чинам полиции, которые, по рассмотрении писем, разрешали передачу их по принадлежности или задерживали. Изъятая корреспонденция отправлялась на усмотрение губернатора [7, л. 3–3 об.].

Если корреспонденция следовала со стороны ссыльных, она также представлялась местному полицейскому начальству, которое опять же разрешало отдачу оной на почту, «а в случае предосудительного содержания, задерживало» и отправляло в Иркутск. Генерал-губернатор предписывал объявить это правило каждому ссыльному и указать, что нарушение документа, «даже если он передает свою корреспонденцию через другое, отъезжающее лицо, подвергнет его взысканию» [7, л. 4].

Контроль за корреспонденцией политических каторжан был еще строже. Правила категорически запрещали им «посылать или отправлять от себя

письма к кому бы то ни было» вообще. Предназначенная же для них корреспонденция предоставлялась почтовыми конторами напрямую губернатору «на предмет вскрытия их писем и препровождения открытыми тех из них, в коих не окажется ничего противного к надлежащему начальству, в ведении которого находятся преступники для передачи по принадлежности». Письма или «депешы», содержащие в себе, по мнению военного губернатора, «непозволительные выражения или заслуживающие внимание правительства», должны были отправляться в Санкт-Петербург, в III Отделение [7, л. 4].

Подобным образом поступали с посылками и деньгами, присланными поселенцам или каторжанам: они отправлялись губернатору (в губернское правление, в экспедицию о ссыльных), который решал, что из полученного выдать, а что нет, руководствуясь при этом правилом: к выдаче подлежат только те посылки, «которые не составляют большой ценности и могут служить к пище и одеянию, а остальные» необходимо «возвращать обратно к приславшим». Так же безапелляционно решалась судьба и денежных переводов: из полученных на имя ссыльных денежных сумм следовало выдавать на первое обзаведение не более 2 тыс. руб. (огромная, просто фантастическая сумма, которой у ссыльных-«шестидесятников» и «семидесятников», в отличие от некоторых декабристов, никогда и не было. – *А. И.*), а потом на содержание ежегодно не более 1 тыс. руб., но и «сию сумму выдавать не всю сполна, а помесечно» [7, л. 4].

Как видим, система организации контроля за корреспонденцией ссыльных на территории Иркутской губернии имела. Однако работала она плохо; отметим здесь всего лишь две причины этого. Прежде всего система в 1860–1870-е гг. не носила тотального характера – наблюдению подлежала переписка не всех государственных преступников, а только тех, у кого это «признавалось необходимым». Одно из предписаний генерал-губернатора предлагало «иметь именные списки государственным преступникам, чья корреспонденция подлежит просмотру, для сообщения их местным почтмейстерам и телеграфным станциям, а также подлежащему окружному полицейскому начальству...» [7, л. 5 об.]. При этом инструкция не разъясняла, на основании чего – настоящего неблагонадежного поведения ссыльного или его бурного революционного прошлого – следует составлять эти списки.

Второй недостаток системы контроля за корреспонденцией, сводивший буквально к нулю все усилия иркутской полиции, заключался в том, что ограничение в переписке не распространялось на семьи политических каторжан, а также бывших ссыльных, уже отбывших положенные им сроки, но по каким-то причинам продолжавшим жить на территории губернии – закон беспрепятственно позволял им «посылать от себя письма родственникам и иным лицам». Таким образом, государственный преступник-каторжанин или вчерашний ссыльный через членов своей семьи могли отправлять и получать бесконтрольно практически любую корреспонденцию и передавать ее лишенным этого права «товарищам по несчастью», что и происходило повсеместно [7, л. 3].

Краткие выводы. После амнистии 1856 г. политических ссыльных в Иркутской губернии насчитывалось два-три десятка. Контроль за таким незначительным количеством государственных преступников не требовал от администрации значительных и систематических усилий. В 1860–1870-х гг., с увеличением числа польских и российских ссыльных, партиями отправляемых в пределы Восточной Сибири, иркутская губернская администрация столкнулась с необходимостью организации постоянного учета и контроля значительного количества государственных преступников. Иркутским генерал-губернатором, гражданским губернатором, губернским правлением, общей и политической полицией были предприняты определенные шаги по установлению точного количества ссыльных, созданию системы периодической отчетности, контролю за перемещением и перепиской преступников. Однако из-за несовершенства уголовного законодательства, недостаточного внимания к состоянию организации полицейской службы в Сибири со стороны государства (штаты), неподготовленности и некомпетентности чинов полиции на местах, а также громадной территории, отсутствия здесь развитой транспортной инфраструктуры наладить систематический и постоянный гласный надзор за политическими ссыльными не удалось.

Список литературы

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. Оц. Д. 58.
2. ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 48.
3. ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 151.
4. ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 297.
5. ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 327.
6. ГАИО. Ф. 32. Оп. 5. Д. 75.
7. ГАИО. Ф. 32. Оп. Оц. Д. 16.
8. ГАИО. Ф. 32. Оп. Оц. Д. 339.
9. ГАИО. Ф. 90. Оп. 4. Д. 475.
10. *Иванов А. А.* Иркутские жандармы // Клио. – 2012. – № 6. – С. 69–77.
11. *Иванов А. А.* Уголовная ссылка Иркутской губернии XIX в.: численность, структура, использование [Электронный ресурс] // Изв. Иркут. гос. экон. акад. (БГУЭП). – 2013. – № 5. – URL: <http://eizvestia.isea.ru>.
12. Памятная книжка Иркутской губернии на 1870 г. : адрес-календарь. – Иркутск : Изд. Иркут. губерн. стат. ком., 1870.
13. Памятная книжка Иркутской губернии на 1873 г. : адрес-календарь. – Иркутск : Изд. Иркут. губерн. стат. ком., 1873.
14. Памятная книжка Иркутской губернии. 1881 г. В 3 отд. Отд. 2: Статистика, история, этнография. – Иркутск : Изд. Иркут. губерн. стат. ком., 1881.
15. Памятный календарь Иркутской губернии на 1861 г. – Иркутск, 1861.
16. *Роцевская Л. П.* Последний осколок приказной системы // Вопр. ист. – 1976. – № 12. – С. 203–208.
17. Устав о ссыльных // СЗРИ. – СПб., 1857. – Т. 14.

Irkutsk Provincial Administration and Formation of Surveillance of Political Exiles in 1860–1870s

A. A. Ivanov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article concerns Irkutsk provincial administration's arrangement of police surveillance of political exiles, settled in Irkutsk province in 1860–1870s. The author considers the administrative structures responsible for settlement of exiles, details of registration and control for their relocation and correspondence. The author concludes that Irkutsk provincial administration did not succeed in developing of a well-functioning system of surveillance of political exiles that can be explained by local natural, geographical and social factors of the development of the region, as well as by the drawbacks of the penal legislation.

Keywords: political exiles, provincial administration, police, gendarme police department, Governor-General, Irkutsk province.

Иванов Александр Александрович

*доктор исторических наук, профессор,
кафедра политологии, истории
и регионоведения*

*Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: (3952) 33-43-72
e-mail: ottisk-irk.ru*

Ivanov Aleksander Aleksandrovich

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of Political Science, History
and Regional Studies*

*Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: (3952) 33-43-72
e-mail: ottisk-irk.ru*